

ГОМЕР

✦ Илиада ✦ Одиссея ✦

Полное издание
В ОДНОМ ТОМЕ

Гомер
Илиада. Одиссея. Полное
издание в одном томе
Серия «Полное собрание сочинений»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74185161
ISBN 978-5-04-251441-8

Аннотация

Личность легендарного древнегреческого поэта Гомера до сих пор остается загадкой, но именно он считается автором величайших памятников мировой литературы – «Илиады» и «Одиссеи», – поэм, со славой прошедших испытание временем. Эпосы Гомера оказали огромное влияние на всю мировую литературу, став одним из главных импльсов, придавших разбег великой европейской поэтической традиции.

В книге представлены обе поэмы Гомера в классических русских переводах Николая Гнедича и Василия Жуковского. Издание сопровождается подробным комментарием и словарем мифологических и географических названий и имен.

Содержание

Гомер	4
Песнь первая	15
Песнь вторая	44
Песнь третья	86
Песнь четвертая	108
Песнь пятая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Гомер

Илиада. Одиссея. Полное издание в одном томе

Гомер
Илиада
перевод Николая Гнедича

Античность ничего определённого не знала о жизни и личности Гомера. В древних преданиях, распространение которых мы можем проследить вплоть до шестого века до нашей эры, не содержится ничего сколько-нибудь правдоподобного о нём, за исключением лишь того, что он был ио- нийцем.

Мы можем сказать с большей или меньшей достоверно- стью, что Гомер – легендарный древнегреческий поэт и ска- зитель. Считается, что он был аэдом, предположительно жил в VIII–VII веках до н. э. Он автор древнейших из сохра- нившихся памятников греческой культуры – «Илиады» и «Одиссеи».

Сюжеты обеих поэм обращены к сказаниям о походе гре- ков на Трои (Илион), которые были распространены в грече-

ском народе ещё до сложения гомеровского эпоса. Троя действительно существовала и располагалась около моря, выгодно пересекая торговые пути у входа в Дарданеллы, что делало эту территорию желанной для завоевателей. По выводам из собранных исторических данных, город в итоге был уничтожен поджогом. Эпический (или Троянский) цикл – это цикл поэм, описывающих события Троянской войны. Полностью (насколько мы можем судить) сохранились лишь «Илиада» и «Одиссея»: содержание остальных поэм нам известно из пересказов позднеантичных и византийских авторов и некоторого количества отдельных сохранившихся строк.

Вокруг фигуры Гомера возникали споры, в частности был ли он подлинным автором текстов, в связи с чем появился так называемый «гомеровский вопрос». Вместе с этим интерес вызывало и происхождение обоих текстов: до нас дошла позднейшая редакция, которая могла быть написана несколькими авторами и потом скомпонована в единый текст. В таком случае оба эпоса будут представлять собой огромный палимпсест. Но теория коллективного авторства была опровергнута в пользу «устной теории».

В 1930-е годы Милман Пэрри и его ученик Альберт Лорд разработали теорию формульных песен. Они предположили, что стихосложение в бесписьменном обществе должно происходить совсем не так и использовать не те механизмы, которые естественны для представителя письменной культуры.

Тождественность текста в бесписьменной культуре – не то же самое, что для нас. Если рапсод изменил какие-то слова на синонимы, порядок слов – для него это остаётся всё тем же текстом, так как он построен по одной форме, одними слагаемыми и говорит о том же. По теории Пэрри – Лорда, употребление формул облегчает процесс сочинения песни и упрощает её восприятие. Теория была сформулирована в результате исследования южнославянского эпоса, в двух экспедициях на Балканах (в Боснию) между 1933 и 1935 годами, с целью изучения устной традиции в отдалённых поселениях с ещё не распространившейся письменностью.

Экспедиция доказала, что, судя по системе формул, сходной в южнославянских и древнегреческих поэмах, а также по некоторым другим признакам, «Илиада» и «Одиссея» – устный импровизационный эпос. Хороший балканский сказитель мог при благоприятных условиях исполнить очень длинное произведение, значит, и Гомер тоже мог. Сохраниться такая поэма может, только если её записать под диктовку, потому что в обычных условиях «Илиада» сократилась бы до обычного небольшого размера, утратив свои уникальные особенности. Формула – это не просто повтор, ведь повторяющиеся словосочетания нередки и в литературных имитациях фольклора, формулы занимают своё определённое метрическое место в строке. Даже уникальное словосочетание может оказаться частью системы формул: сказитель не запоминает текст, а каждый раз создаёт его заново, тек-

сты одной и той же песни могут сильно отличаться даже у одного и того же автора, но для слушателей это будет та же, одинаковая песня.

Гомер был поэтом-импровизатором, частью многовековой эпической традиции. Он жил во времена, когда уже появилась древнегреческая письменность, но сам, наиболее вероятно, был неграмотен. У poem есть автор (или несколько), но этот тип авторства отличается от привычного нам в письменную эпоху. Поэмы были записаны под диктовку практически в том виде, в котором дошли до наших дней. Поскольку нельзя представить себе особого случая, который бы легко позволил исполнить «Илиаду» целиком, приходится признать одно из двух: либо поэма никогда не предназначалась для прослушивания полностью, что маловероятно; либо она считалась настолько грандиозным произведением, что люди готовы были терпеть неудобства и некоторые перерывы, чтобы слушать её в течение двух, трёх или четырёх дней. Гомер, должно быть, обладал необычайной славой, чтобы иметь возможность читать свой эпос слушателям, несмотря на его неестественный размер; но такая необычайная слава для подобного гения – лишь то, чего и следовало ожидать.

Многие изучающие литературу, даже те, кто не читает по-гречески, знают, что гомеровские эпосы очень повторяются; они знают, например, что Агамемнон – царь царей (владыка мужей) и что Ахиллес – быстроногий (πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς, тридцать один раз). Подобные повторы – существенное

с определениями – распространены и важны, но они составляют лишь часть картины. Внимательное изучение поэм открывает множество повторов разного рода. Если какое-то отдельное слово повторяется, оно может всегда или почти всегда находиться в одном и том же месте строки; имена многих персонажей или названия обычных предметов постоянно употребляются в связке с определёнными прилагательными или модифицирующими выражениями; целые строки повторяются; многие отрывки в несколько строк (например, сообщения) могут повторяться слово в слово; а часто возникающие ситуации, такие как облачение в доспехи или совершение жертвоприношения, описываются снова и снова очень сходным языком.

Язык поэм представляет собой искусственное соединение слов, конструкций и диалектных форм из разных регионов и разных этапов развития греческого языка – от позднего бронзового века примерно до 700 года до н. э. Описание обычаев и верований обнаруживает поразительное сходство со смешанной природой языка. Культурная картина в целом является искусственной. Реальные люди никогда не сражались именно так, как это представлено в «Илиаде», а их обычаи, связанные с погребением умерших, хотя и были сложными и, несомненно, несколько менялись от региона к региону и от эпохи к эпохе, вряд ли имели те самые противоречия, которые встречаются в «Илиаде» и «Одиссее». Большинство этих противоречий возникают из-за слияния разных поэти-

ческих версий, созданных в разные периоды. Ведь подобно тому, как язык «Илиады» предстаёт продуктом многих поколений устной поэзии, в котором то тут, то там сохраняются архаичные черты, время от времени вводятся новые элементы из современных разговорных диалектов, а новые виды искусственного произношения сначала допускаются, а затем становятся общепринятыми в интересах метрической гибкости, так и материальный и общественный фон постепенно складывается в единое целое.

То, что «Илиада» является поэзией, может показаться не требующим особых комментариев. Эта мысль может вызывать у современного читателя самые разные чувства – от восторга до, возможно, некоторой опаски, лёгкого неприятия при мысли об особых препятствиях, которые нужно преодолеть. В конце концов, это повествовательная поэма, а о большинстве повествований можно сказать, что они лучше удаются в прозе. Энтузиазм легче вызывает лирическая поэзия, ритмически менее строгая и лучше приспособленная для личного и эмоционального самовыражения, для которого поэзия может считаться привилегированным средством. В противовес этому можно сказать, что гомеровский гекзаметр – это размер одновременно живой и удивительно гибкий; что блестящее сочетание в «Илиаде» прямой речи с объективным повествованием в значительной степени устраняет монотонность, свойственную большинству подобных эпических произведений; и что «устные» характери-

ки, являющиеся столь важной особенностью гомеровского стиля, отнюдь не делают его просто наивным, а придают ему живость и чисто эстетическое удовольствие, которых лишено большинство повествовательных поэм.

Гомеровский метр можно анализировать с двух разных точек зрения, которые можно назвать внешней метрикой и внутренней метрикой. Внешняя метрика – это традиционное скандирование долгих и кратких слогов, отчасти похожее на скандирование сильных и слабых слогов в русском стихе. Но если русский стих является качественным, то есть основанным на схемах чередования ударных и безударных слогов, то древнегреческий стих является количественным – значение имеет долгота слога, а не ударение. Основной единицей гомеровского стиха является строка, и базовое строение всех строк одинаково. С точки зрения внешней метрики, гомеровская строка делится на шесть стоп. Первые пять стоп – это дактили: дактиль представляет собой один долгий слог, за которым следуют два кратких, но два кратких слога могут быть заменены одним долгим слогом; такая замена нечасто встречается в пятой стопе. Шестая стопа состоит из двух слогов, первый из которых долгий, а второй – либо долгий, либо краткий. Стих такой метрической формы называется дактилическим гекзаметром.

Внутренняя метрика, в отличие от внешней, имеет дело прежде всего с границами слов и с тем, как слова и фразы располагаются в строке. С точки зрения внутренней метри-

ки, гомеровский гекзаметр отчётливо стремится к разделению на четыре части, называемые колонами. Эти части определяются границами слов и смысла внутри строки. Граница слова внутри стопы называется цезурой, а граница слова в конце стопы – диерезой. Технически говоря, каждая граница слова в строке создаёт либо цезуру, либо диерезу, но некоторые из этих разделений встречаются чаще и важнее других. В особенности важные разделения сочетают границу слова с границей смысла. Однако важны не сами разделения, а группы слов; разделения – это просто точки деления. Согласно теории внутренней метрики, гомеровский гекзаметр тяготеет к наличию трёх разделений, которые образуют четыре колона. Собственно, такая жёстко регламентированная метрика в каком-то смысле помогала поэту запоминать такие объёмы текста и свободно варьировать повторяющиеся фрагменты, соблюдая формальную структуру.

Повествователь сжимает масштабную десятилетнюю осаду в союзнической войне мести и возмездия, происходившую много поколений назад, в менее чем семь недель – продолжительность внутреннего конфликта между Агамемноном, вождём ахейцев, и Ахиллом, его лучшим воином. События всего лишь четырнадцати дней получают подробное описание, причём большинство из них укладывается в трёхдневный промежуток, в мгновение ока с точки зрения олимпийских богов. Ни один город или селение не разграблены, умирают лишь два-три главных героя (Патрокл, Гектор), сю-

жет поэмы начинается и также обрывается посреди искалеченных историй – несколько долгих дней на десятом году войны, безусловно, гораздо ближе к концу, чем к началу. Тем не менее ахейцы уже почти отброшены обратно в море, в то время как смерть Гектора знаменует гибель Трои. Сюжет повествует о кризисах (кризисе Ахилла, Агамемнона и ахейцев; кризисе Гектора, троянцев и Приама) в пространном сказании о легендарной Трое. Гомер различными способами расширяет строго ограниченное и усечённое время и место действия – путаное поле битвы бронзового и железного века и два укрепленных лагеря при нём. Он даёт краткие зарисовки других героических мифов, намёки на божественный и природный космический порядок, а также резкие переходы в иные миры в сравнениях и в экфрасисе, или описании, божественно выкованного щита Ахилла. Эти паузы в убийстве, длиной от одной строки до более чем сотни, обрисовывают шумный город и тихую сельскую местность иных дней и лучших устоев.

Гнев является ключевой и проблематичной темой в тексте. Ахилл, Агамемнон, Аполлон на Олимпе и внизу, на земле, испытывают его и объясняют его причины. Зевс, Патрокл, Ахилл, Приам и другие размышляют и говорят о гневе: его оправданности, его разрушительной силе, его пределах, способах его утоления и прекращения. Люди здесь колеблются между страстью и разумом, запутавшись в сложной сети обстоятельств, долга, привязанностей, судьбы и выбора.

Герои по-разному говорят о чести, любви, желании, уважении и ответственности.

Гомеровские боги и их повседневные ритуалы создают тревожный (и занимательный) контрапункт к смертельным битвам людей. Они невольно выдают собственные умственные и эмоциональные слабости и несовершенства. Их безответственность определяет участь человека в «Илиаде». Их грубые забавы формируют человеческое горе. Повествование об их пристрастности, безразличии, враждебности (реакция Афины на троянскую молитву), капризности и даже ограниченности трагически противоречит человеческим выражениям тщетной, но трогательной уверенности в божественной заботе о справедливости. Эти боги – как и люди, особенно вожди – внушают ужас, непредсказуемы, жестоки и временами нелепы. Они служат (внутренними) зрителями смертельных схваток и состязаний и полноценными участниками: поведение, благополучие, поражение грека могло связываться с влиянием на него воли бога, настолько неразделимы пространство Олимпа и земли.

Гомер не является ни объективным, ни пристрастным. Вергилий и Овидий передают больше настроений, больше субъективности, но – если не брать Шекспира и Толстого – ни один поэт не представляет более богатого полотна человеческого опыта. Ахилл и прав, и неправ перед своими соратниками – хотя для новых читателей по большей части неправ. Чувства, мысли и выбор самого Ахилла колеблют-

ся. Справедливость его позиции то возрастает, то убывает по мере развития его отстранения, возвращения в бой и нового понимания – тех вопросов и тем, которые воплощают сюжет. В конце концов, он обладает всем мыслимым уважением и всеми знаками статуса: никто другой не победил, но Ахилл потерял больше всех. Меньше всех победителей тот, кто отчасти виновен в смерти своего спутника, второго «я» и лучшего друга – а также в смерти многих других. Ему не для чего жить, кроме смерти. Он в поэме лучше всех понимает, как мало мы можем сделать, как безответственны или, по крайней мере, непредсказуемы боги, дающие дары. Сюжет неизменно остаётся историей утраты и благородных неудач.

Сергей Зволинский

Песнь первая

Язва. Гнев

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Аид и самих распростер их в корысть
плотоядным

5 Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова
воля), —

С одного дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули
враждою

Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному
спору?

Сын Громовержца и Леты — Феб, царем
прогневленный,

10 Язву на воинство злую навел; погибали народы

В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного
Хриса.

Старец, он приходил к кораблям быстрой ахейским
выкуп

Пленную дочь искупить и, принеся бесчисленный
выкуп

И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов

15 Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,

Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!

О! да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,

Град Приамов разрушить и счастливо в дом
возвратиться;

20 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы

Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;

Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;

25 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:

«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!

Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай
показаться!

Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.

Деве свободы не дам я; она обещает в неволе,

30 В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —

Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.

Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав
возвратишься!»

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покорясь,

Идет, безмолвный, по берегу немолчношумящей
пучины.

35 Там, от судов удалившись, старец взмолился
печальный

Фебу царю, лепокудря Леты могущему сыну:

«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий,
обходишь

Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,

Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
40 Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов, – услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»
Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий
гневом,

45 Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи
подобный.

Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук
стреловержца.

50 В самом начале на месков напал он и псов
празднобродных;

После постиг и народ, смертоносными прыща
стрелами;

Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;

В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.

55 В мысли ему то вложила богиня державная Гера:

Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.

Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,

Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес
быстроногий:

«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши
море,

60 В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти

спасемся.

Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытаем, Атрид, и спросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):

Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон
небожитель?

65 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую
гневен?

Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от
сонма

Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.

70 Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что
будет,

И ахеян суда по морям предводил к Илиону

Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от
Феба.

Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:

«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец
Зевеса,

75 Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?

Я возвещу; но и ты согласишь, поклянешь мне, что
верно

Сам ты меня защитить и словами готов и руками.

Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный

Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.

80 Слишком могуществен царь, на мужа подвластного
гневный:

Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смирят,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй,
заступник ли ты мне?»

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
85 «Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он
ни был!

Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
90 В стане ахейн; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати
ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк
непорочный:

«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую
гневен

Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
95 Дщери не выдал ему и моленье и выкуп отринул.

Феб за него покарал и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы,
свободной

Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
100 Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость
преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма
воздвигся

Мощный герой, пространно-властительный царь
Агамемнон,

Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злостью наполнилось; очи его засветились, как
пламень.

105 Калхасу первому, смотря свирепо, вещал
Агамемнон:

«Бед предвещатель, приятного ты никогда не
сказал мне!

Радостно, верно, тебе человекам беды лишь
пророчить;

Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.

Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
110 Будто народу беды дальномечущий Феб устроит,

Мстя, что блестящих даров за свободу принять
Хрисеиды

Я не хотел; но в душе я желал черноокою деву

В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой
Клитемнестре,

Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже

115 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и
делами!

Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:

Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.

Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане
аргивском

Я без награды один не останусь: позорно б то было;

120 Вы же то видите все – от меня отходит награда».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:

«Славою гордый Атрид, беспредельно
корыстолюбивый!

Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?

Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:

125 Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;

Снова ж, что было дано, отбирать у народа – позорно!

Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после

Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,

Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

130 Быстро, к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:

«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным
подобный,

Хитро не умствуй: меня ни проведешь, ни склонить не
успеешь.

Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб,
лишенный,

Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..

135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,

Столько ж приятною сердцу, достоинством равную
первой.

Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну

Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;

Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!

140 Но об этом беседовать можем еще мы и после.

Ныне черный корабль на священное море ниспустим,

Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу
поставим

Иведем Хрисеиду, румяноланитую деву.

В нем да восседет начальником муж от ахеян советных,

145 Идомепей, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье
страшнейший!

Шествуй и к нам Аполлона умилоствив жертвой
священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес
быстроногий:

«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою
мздолюбец!

150 Кто из ахейн захочет твои повеления слушать?

Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро
сразится?

Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны
трояне:

Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;

155 В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами
обильной,

Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.

Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!

160 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все
презираешь,

Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне
ахейн?..

Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахейне град разгромляют.

165 Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани

Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным

В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.

Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
170 В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,

Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей
Агамемнон:

«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я

Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;

175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс Промыслитель.

Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!

Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.

Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.

В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;

180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;

Гнев твой вменияю в ничто; а напротив, грожу тебе так я:

Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;

Я возвращу, – и в моем корабле, и с моею дружиной

Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей

Брисеиду

185 Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый
страшился

Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

Рек он, – и горько Пелиду то стало: могучее сердце

В персях героя власатых меж двух волновалось
мыслей:

190 Или, немедля исторгнувши меч из влагалища
острый,

Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;

Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.

В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,

Страшный свой меч из ножен извлекал он, – явилась
Афина,

195 С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,

Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,

Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,

Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.

Он ужаснулся и, вспять обратясь, познал несомненно

200 Дочь Громовержцеву: страшным огнем ее очи
горели.

К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:

«Что ты, о дочь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?

Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?

Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:

205 Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха:

«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,

С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она, и спасает.

210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,

Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.

Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:

Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами

Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

215 К ней обращался вновь, говорил Ахиллес
быстроногий:

«Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления
ваши.

Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее
будет:

Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные
внемлют».

Рек, и на серебряном черене стиснул могучую руку,

220 И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся

Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,

В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.

Но Пелид быстроногий суровыми снова словами

К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:

225 «Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем
еленя!

Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед
войском,

Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами

Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.

Лучше и легче стократ по широкому стану ахейян
230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.

Царь – пожиратель народа! Зане над презренными
царь ты, —

Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,

Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни
ветвей

235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на
холмах,

Вновь не прозябнет, – на нем изощренная медь
обнажила

Листья и кору, – и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —

Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою
клятвой:

240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида

Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им
будешь

Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы

Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься,
бешен

Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

245 Так произнес, и на землю стремительно скипетр он
бросил,

Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж
царями.

Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя;
и Нестор

Сладкоречивый восстал, громогласный вития
пилосский:

Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.

250 Два поколения уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем
царствовал старец.

Он, благомыслия полный, советует им и вещает:

«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!

255 О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю, —
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
260 Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушались мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксаций, Кеней, Полифем, небожителям
равный

265 И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.

Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши
Пилос,

270 Дальнюю Апии землю: меня они вызвали сами.

Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стяжаться

Кто бы дерзнул от живущих теперь человек
наземных?

Но и они мой совет принимали и слушали речи.

Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.

275 Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.

Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем
препираться:

Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый

Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал
славой.

280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов
несчетных.

Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,

Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший

Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани
троянской».

285 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;

Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех
перевысить,

Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати
над всеми,

Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.

290 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,

Тем позволяют ему говорить мне в лицо
оскорбления?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:

«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,

Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.

295 Требуя того от других, напыщенный властительством; мне же

Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!

Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:

В битву с оружием в руках никогда за плененную деву

Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!

300 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,

Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!

Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:

Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,

305 Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахейян.

Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным

Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.

Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,

Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,

310 Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,

Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;

Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.

Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:

Все очищались они и нечистое в море метали.

315 После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у берега бесплодного моря;
Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом.
Так аргивяне трудились в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллему:

320 Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клеветов и вестников, так заповедывал,
гневный:

«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса
Пелида;

За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля
представьте:

Если же он не отдаст, возвратитесь – сам я исторгну:

325 С силой к нему я приду, и преслушному горестней
будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.

Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;

И, приближаясь к кущам и быстрым судам мирмидонов,

Там обретают его, перед кущей своею сидящим

330 В думе; пришедших увидя, не радость Пелид
обнаружил.

Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке

Стали, ни вести сказать, ни его спросить не дерзая.

Сердцем своим то проник и вещал им Пелид
благородный:

«Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и
смертных!

335 Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!

Он вас послал за наградой моей, за молодой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут

И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
340 И пред царем сим неистовым, – ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти

Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;

Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»

345 Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.

За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сениям ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезясь,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,

350 Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,

Руки в слезах простирал, умоляя любезную мать:

«Мать! Когда ты меня породила на свет кратковечным,

Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий

Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!

355 Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:

Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»

Так он в слезах вопиял; и слышала вопль его мать,

В безднах сидящая моря, в обители старца Неря.

Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,

360 Села близ милого сына, струящего горькие слезы;

Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:

«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:

365 «Знаешь, о мать: почто тебе, знающей все,
возвещать мне?

Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;

Град разгромили и все, что ни взяли, представили
стану;

Все меж собою, как должно, ахейн сыны разделили:

Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.

370 Вскоре Хрис, престарелый священник царя
Аполлона,

К черным предстал кораблям аргивян меднобронных,
желая

Пленную дочь искупить; и, принеся бесчисленный
выкуп

И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов

Красный венец, умолял убедительно всех он ахейн,

375 Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы

Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;

Но Атриду царю, одному, не угодно то было:

Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.

380 Жрец огорчился и вспять отошел; но ему
сребролукий

Скоро молящемуся внял, Аполлону любезен был старец:

Внял и стрелу истребления послал на данаев; народы Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
385 Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.

Первый советовал я укротить раздраженного бога.

Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,

Начал словами грозить, и угрозы его совершились!

В Хрису священника дочь быстроокие чада ахеян
390 В легком везут корабле и дары примирения богу.

Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
Мать! когда ты сильна, заступися за храброго сына!

Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
395 Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.

Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
400 Гера и царь Посейдон и с ними Афина Паллада.

Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;

Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,

Коему имя в богах Бриарей, Эгеон – в человеках:

Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
405 Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою

гордый.

Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.

Зевсу напомним о том и моли, обнимая колена,

Пусть он, отец, возжелает в боях побороть за пергамлян,

Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,

410 Смертью разить, да своим аргивяне царем наслаждаются;

Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,

Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:

«Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!

415 Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей

Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!

Ныне ты вместе – и всех кратковечней, и всех злополучней!

В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!

Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний

420 Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.

Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,

Гнев на ахейн питай и от битв удержишь совершенно.

Зевс Громовержец вчера к отдаленным водам Океана

С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел
непорочным;

425 Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;

И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,

И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,

В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,

430 Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей
велемудрый

Хрисы веселой достиг с гекатомбой священной Фебу.

С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную
пристань,

Все паруса опустили, сложили на черное судно,

Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на
канатах,

435 И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.

Там они кóтвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,

И с дружиною сами сходят на берег пучины,

И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону,

И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.

440 Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,

Старцу в объятия отдал и словом приветствовал
мудрым:

«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон

Дочь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу

Здесь за данаев принести, да преклоним на милость
владыку,

445 В гневе на племя данаев пославшего тяжкие
бедства».

Рек и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становятся ахейцы,
Руки водой омывают и соль и ячмень поднимают.

450 Громко Хрис возмолился, горé воздевающий руки:
«Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что хранящий
обходишь

Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;

455 Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отведи от народов ахейских».
Так он взывал, – и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,

460 Бедрa немедля отсекали, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.

Жрец на дровах сожигал их, багряным вином
окропляя;

Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.

Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланных,

465 Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.

Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;

Все пировали, никто не нуждался на пиршестве
общем;

И когда питием и пищею глад утолили,

470 Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.

Целый ахейане день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, Стреловержца, и он веселился, внимая.

475 Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,

Сну предались пловцы у причал мореходного судна.

Но лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялись обратный к широкому стану ахейцы.

С места попутный им ветер послал Аполлон
сребролукий.

480 Мачту поставили, парусы белые все распустили;

Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему
судну,

Страшно вокруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.

После, как скоро достигли ахейского ратного стана,

485 Черное судно они извлекли на покатую сушу

И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кушам.
Он между тем враждовал, при судах оставаясь черных,

Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий
ристатель.

490 Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,

Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце
печалью,

Праздный сидел; но душою алкал он и брани, и боя.

С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось

И на светлый Олимп возвратились вечные боги

495 Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла

Фетида

Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседающего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпе;
500 Близко пред ним восседает и, быстро обнявши
колена

Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моление!
505 Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он
данаев;

Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, Промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоление, доколе ахейцы
510 Сына почтить не предстанут и чести его не
возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, Тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как обьяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
515 Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь
остаюсь».

Ей, вздохнувши глубоко, отвечивал Тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;

520 Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных,
со мною

Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверенна будешь, – тебе я главой помагаю.

525 Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помагаю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида

530 Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп
многохолмный...

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей
Олимпа;

Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от
бессмертных

535 Сидя грядущего ждать, но во стретенье все
поднялися.

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все познала, увидя, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая мать Пелида.

Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
540 «Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил
советы?

Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей

Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:

545 «Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;

Тягостны будут тебе, хоть ты мне и супруга!

Что невозбранно познать, никогда никто не познает

Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.

Если ж один, без богов, восхожу я советы замыслить,

550 Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:

«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?

Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать

Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.

555 Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит

Старца пучинного дочь, среброногая мать Пелида:

Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;

Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида

Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».

560 Гере паки отвечал Тучегонитель Кронион:

«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!

Но произвести ничего не успеешь; более только

Сердце мое отворишь, и тебе то ужаснее будет!

Если соделалось так, – без сомнения, мне то угодно!

565 Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!

Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,

Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

Рек; устрасилась его волоокая Гера богиня

И безмолвно сидела, свое победившая сердце.

570 Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.

Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,

Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:

«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,

Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!

575 Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет

Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!

Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,

Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный

Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.

580 Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,

Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!

Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,

И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный

585 Матери милой подносит и снова так ей вещает:

«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!

Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть

Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,

Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!

590 Он уже древле меня, побужденного сердцем на

помощь,

Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:

Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего
солнца

Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший
дыханье.

Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли».

595 Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,

И с улыбкой от сына блистательный кубок прияла.

Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.

Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,

600 Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг
суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги

Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем

Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках
Аполлона,

Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным
гласом.

605 Но когда закатился свет блистательный солнца,

Боги, желая почить, уклонились каждый в обитель,

Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе

Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим
создал.

Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,

610 Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;

Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная
Гера.

Песнь вторая

Сон. Беотия, или Перечень кораблей

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не
покоил.

Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахейн толпы истребить пред судами.

5 Сердцу его наконец показалась лучшею дума:

Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.

Зевс призывает его и крылатые речи вещает:

«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным
ахейн;

Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;

10 Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:

В бой вести самому повели кудреглавых данаев

Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский

Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома

Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила

15 Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он, – и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.

Быстрым полетом достиг кораблей мореходных
аргивских,

К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще

Царь почивал, и над ним амброзический сон
разливался.

20 Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя
коней!

Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,

25 Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский

30 Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

35 Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не суждено
сбыться.

Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.

Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых
Зевсом:

Снова решился отец удручить и бедами и стоном

40 Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.

Вспрынул Атрид, и божественный голос еще
разливался

Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,

45 Сверху рамен перекинул блистательный меч
среброгвоздный;

В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий
скипетр,

С ним отошел к кораблям медянодопешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,

Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;

50 И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.

Вестники подняли клич, – и ахейцы стекались быстро.

Прежде же он посадил на совет благодумных
старейшин,

Их пригласив к кораблю скиптроносного старца
Нелида.

55 Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им
устроил:

«Други! объятому сном, в тишине амброзической
ночи,

Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея

Образом, ростом и свойством Нестору чудно
подобный!

Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:

60 – Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя
коней!

Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,

Коему вверено столько народа и столько заботы!

Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.

Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;

65 В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев

Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
70 Слово мое сохрани ты на сердце. – И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
75 Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон, – и восстал между
ними

Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь
седовласый;

Он, благомысленный, так говорил пред собранием
старейшин:

«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
80 Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б
отвергли;

Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати
ахейской;

Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам
ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он
вышел.

85 Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,

Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются,
90 Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают, —
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному берегу, несчетные, к сонму
тянулись

Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
95 Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными
девять

Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
100 Говор унявши, как пастырь народа восстал
Агамемнон,

С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста
созданьем:

Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу
Крониду;

Зевс передал возвестителю Гермесу, аргобийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
105 Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,

С властью над тьмой островов и над Аргосом,
царством

пространным.

Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседающим

ахеям:

110 «Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!

Зевс Громовержец меня уловил в неизбежную гибель!

Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам
предназначил

Мне возвратиться рушителем Трои
высокотвердынной;

Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне

115 В Аргос бесславным бежать, погубившему столько
народа!

Так, без сомнения, богу, всемогущему Зевсу, угодно:

Многих уже он градов сокрушил высокие главы

И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.

Так, – но коликий позор об нас и потомкам услышать!

120 Мы, и толика рать, и народ таковой, как данаи,

Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали

С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели,

Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,

Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,

125 И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;

Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,

Взяли б на каждый из них от троянских мужей
виночерпца, —

Многим десяткам у нас не достало б мужей
виночерпцев!

Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы

130 В граде живущих троян. Но у них многочисленны
други,

Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то

Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной
Трои.

Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
135 Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.

Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
140 Дóлжно бежать! возвратимся в драгое отечество
наше;

Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»
Так говорил, – и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи
советной.

Встал, всколебался народ, как огромные волны
морские,

145 Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалось; с криком ужасным
150 Бросились все к кораблям; под стопами их прах,
подымаясь,

Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымались крики
Жаждущих в дома; уже кораблей вырывали подпоры.
155 Так бы, судьбе вопреки, возвращение в дома

свершилось

Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:

«Что это, дщерь необорная Тучегонителя Зевса!

Или обратно в дома, в любезную землю отчизны

Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?

160 Или на славу Приаму, на радость гордым троянам

Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей

Столько данаев погибло, далеко от родины милой?

Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!

Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа

165 В море для бегства не влечь кораблей обоюдovesельных».

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:

Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросаюсь:

Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;

170 Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:

Думен стоял и один доброснастного черного судна

Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.

Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:

«Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!

Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны

175 Вы ли отсель побежите, в суда многомestные реясь?

Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену

Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян

Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?

Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;

180 Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа

В море для бегства не влечь кораблей обоюдovesельных».

Так провещала; и голос гремящий познал он богини:

Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял

185 Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.

Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,

Взял от владыки отцовский, вовеки не гибнущий скипетр;

С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;

Там, властелина или знаменитого мужа встречая,

К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:

190 «Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.

Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;

Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;

Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;

В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;

195 Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.

Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;

Честь скиптроносца от Зевса, и любит его Промыслитель».

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,

Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
200 «Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания
слушай,

Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и
бессильный,

Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.

Всем не господствовать, всем здесь не
царствовать нам,

аргивянам!

Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
205 Царь нам да будет единый, которому Зевс
прозорливый

Скиптр даровал и законы; да царствует он над
другими».

Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь
собраний

Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,

С воплем: подобно как волны немолчношумящего
моря,

210 В брег разбиваясь огромный, гремят; и отвечает
понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;

Только Терсит меж безмолвными каркал один,
празднословный;

В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,

Вечно искал он царей оскорблять, презирая
пристойность,

215 Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к

Илиону;

Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом.

220 Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:

225 «Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще
недоволен?

Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.

Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из
троянских

230 Конников славных принес для тебя в искупление
сына,

Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?

Хочешь ли новой жены, чтоб любовью с ней
наслаждаться,

В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!

235 Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!

В дома свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,

Служим ли помощью в брани и мы для него иль не
служим.

Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,

240 Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!

Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;

Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,

Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссей устремился.

245 Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:

«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!

Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.

Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,

Нет меж ахейан, с сынами Атрея под Трою пришедших.

250 Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!

Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!

Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?

Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?

Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,

255 Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои

Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!

Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:

Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,

Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,

260 Пусть я от одного дня не зовуся отцом Телемаха,

Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,

Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,

И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я

Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

265 Рек – и скиптром его по хребту и плечам он ударил.

Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;

Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,

Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа, и, от боли

Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.

270 Все, как ни были смутны, от сердца над ним
рассмеялись;

Так говорили иные, взирая один на другого:

«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,

К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.

Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший
подвиг:

275 Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!

Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце

Зевсу любезных царей оскорблять поносительной
речью!»

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,

С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева,
Паллада,

280 В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,

Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи

Слышали речи его и постигнули разум совета.

Он, благомыслия полный, витийствовал так перед
сонмом:

«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят
ахейцы

285 Вечный позор перед племенем ясноглаголивых
смертных,

Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады, —

Слово, лишь Трои разрушив великую, вспять
возвратиться.

Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
290 Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом
возвратиться.

Тягостна брань, и унылому радостно в дом
возвратиться.

Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
295 Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что
ахейцы

Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома
возвратиться!

Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
300 Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коиx еще не постигнули смерть наносящие Парки.
Прошлого, третьего ль дня корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
305 Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя
прекрасным,

Где, из-под корня древесного, била блестящая влага.
Там явилось чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,

Страшный для взора, самим Олимпийцем на свет
извлеченный,

310 Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на
явор.

Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листьями
таяся,

Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая мать, недавно родившая пташек...

Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.

315 Мать кругом их летала, тоскуя о детях любезных;

Вверх он извившись, схватил за крыло и стнящую
мать.

Но, едва проглотил он и юных пернатых, и птицу,

Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:

В камень его превращает сын хитроумного Крона;

320 Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:

Страшное чудо богов при священных явилось
жертвах.

Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:

– Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?

Знаменьем сим проявил нам событие Зевс
промыслитель,

325 Позднее, поздний конец, но которого слава
бессмертна!

Сколько пернатых птенцов проглотил дракон сей
кровавый

(Восемь их было в гнезде и девятая мать пернатых),

Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;

Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою. —

330 Так нам предсказывал Калхас, и все совершается
ныне.

Бодрствуйте же, други, останемся все, браноносцы
данаи,

Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

Рек, – и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность

С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,

335 Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.

Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный
начал:

«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как
дети

Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.

Что и моления наши, и клятвы священные будут?

340 Или в огонь и советы пойдут, и заботы ахеян,

Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?

Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж
делу

Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.

Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты
твердый,

345 Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые
битвы.

Если ж из оных один или два помышляют не с нами,

Их ты оставь исчезать, – не исполнятся помыслы
робких:

Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не
познаем,

Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.

350 Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахейян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.

Нет, да никто из ахейян не думает в дом возвратиться

355 Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.

Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом
возвратиться,

Пусть корабля своего многovesлого он прикоснется:

Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и
погибель.

360 Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого
совету.

Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.

Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;

Пусть помогает колено колену и племени племя.

Если решиться на то и исполнить преклонишь ахейян,

365 Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов

Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать
будет;

Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь
ты града

Или по слабости войск и неведению ратного дела».

Сыну Нелея немедля отвечивал царь Агамемнон:

370 «Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец,
советом!

Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,

Десять таких у меня из ахейян советников было,

Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный
Приама,

Наших героев руками плененный и в прах
обращенный!

375 Но Кронид Громовержец мне лишь беды посылает;

В тщетную распрю меня, во вражду злополучную
вводит.

Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву

Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне,
начал.

Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,

380 Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!

Ныне спешите обедать, а после начнем нападение.

Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит
уготовить;

Каждый кормом обильным коней напитай
подъяремных,

Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.

385 Будем целый мы день состязаться в ужасном
убийстве;

Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,

Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.

Потом зальется ремень на груди не единого воя,

Щит всеобъемный держащий; рука на копье
изнеможет;

390 Потом покроется конь под своей колесницей
блестящей.

Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства

Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после

В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Рек, – и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
395 Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным

К встречной скале, от которой волна никогда не
отходит,

Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль
находящим.

Встав, устремился народ, меж судами рассеялся
быстро,

Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
400 Жертвовал каждый из них своему от богов
вечносущих,

Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.

Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.

Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати
ахейской:

405 Первого Нестора старца и критского Идоменея,

После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,

И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.

Но Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,

Зная любезного брата и как он в душе озабочен.

410 Стали они вдруг тельца и ячмень освященный
подъяли;

В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон
державный:

«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель
эфира!

Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился

на землю

Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,

415 Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;

Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,

Медью пробив; и кругом его многие други трояне

Ниц не лягут во прахе, зубами грызущие землю!»

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:

420 Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.

Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,

Вью загнули тельцу и заклали и тук обнажили,

Бедра немедля отсеки, обрезанным туком покрыли

Вдвое кругом и на них распростерли части сырые.

425 Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,

Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.

Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,

Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,

Жарят на них осторожно и, так уготова, снимают.

430 Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;

Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.

Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,

Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:

«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей,
Агамемнон!

435 Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить

Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.

Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев

Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают,

Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян

440 Сами пройдем да скорее возбудим жестокую битву».

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;

В тот же он миг повелел провозвестникам
звонкоголосым

Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.

Вестники подняли клич, – и они собирались поспешно.

445 Быстро цари, вокруг Атрида стоявшие, Зевса
питомцы,

Бросились строить толпы, и в среде их явилась
Паллада,

В длани имея эгид, драгоценный, нетленный,
бессмертный:

Сто на эгиде бахром развевались, чистое злато,

Дивно плетенные все, и цена им – стотельчие каждой.

С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,

450 В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу

В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и
сражаться.

Всем во мгновение война им кровавая сладостней
стала,

Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

455 Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных
вершинах,

Лес беспредельный палит и далёко заревом светит, —

Так, при движении воинств, от пышной их меди

чудесной

Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.

Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
460 Диких гусей, журавлей иль стада лебедей
долговыйных

В злачном Азийском лугу, при Каистре широко
текущем,

Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают, —
Так аргиев племена, от своих кораблей и от кущей,
465 С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол
под толпами

Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.
Стали ахеев сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листья на древах, как цветы на долинах
весною.

Словно как мух несчетных рои собираясь густые
470 В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно
кружатся

В вешние дни, как млеко изобильно струится в
сосуды, —

Так несчетны против троян браноносцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.
Их же, как пастыри коз меж бродящих стад
необъятных

475 Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в
пастве,

Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой

Агамемнон,

Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,

Станом – Арею великому, персями – Энносигею.

480 Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,

Гордый телец, возвышается он меж телиц
превосходный:

В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс
Олимпиец,

Так отличил между многих, возвысил средь сонма
героев.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сених Олимпа:

485 Вы, божества, – вездесущи и знаете всё в
поднебесной;

Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:

Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;

Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни
исчислить,

Если бы десять имел языков я и десять гортаней,

Если б имел неслабеющий голос и медные перси;

490 Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,

Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.

Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:

495 Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний.

Рать от племен, обитавших в Гирпи, в камнистой
Авлиде,

Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;

Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;

Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
500 Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устройением пышный,
Копы, Эвтрес, и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
505 Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный
устройством;

Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;
Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.

С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из
оных

510 По сту и двадцать воинственных юных беотян
сидело.

Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный

515 Мощный Арей посетил и таинственно с нею
сопрягся.

С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.

Вслед ополченья фокеев Схедий предводил и
Эпистроф,

Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.

Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;

520 Криссы веселые доли и Давлис и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;

Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
525 Оба вождя устрояли ряды ополчений фокейских
И близ беотян, на левом крыле, ополчались к бою.
Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий:
Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид
могучий,

Меньше далёко его; невеликий, в броне полотняной,
530 Но копьеметец отличный меж эллинов всех и данаев.
Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
Вессу, Каллиар и Скарф и веселые доли Авгеи;
Тарфы и Фроний, где воды Воагрия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
535 С воинством локров мужей, за священною живших
Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Коринфе приморском и в Диуме, граде
высоком,

Стир населявших мужей, и народ, обитавший в
Каристе,

540 Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева отрасль,
Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом
абантов.

Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь
растивших,

Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
545 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Мать-земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
550 Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают

Чада Афин, при урочном исходе годов
круговратных, —

Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве
искусный.

С ним от мужей земнородных никто не равнялся в
искусстве

Строить на битвы и быстрых коней, и мужей
щитоносцев.

555 Нестор один то оспаривал, древле родившийся
старец.

С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных
примчалось.

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов
саламинских

Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф
крепкостенный,

560 Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,

Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,

Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей
храбрых,

Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,

Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;

565 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю

равный,

Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.

Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый
воитель:

Осмьдесят черных судов под дружинами их
принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
570 И в богатом Коринфе, и в пышных устройством
Клеонах;

Орнии град населявших, веселую Арефирею,

Град Сикион, где царствовал древле Адраст
браноносный,

Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутесной;

Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
575 Вдоль по поморью всему, и окрест обширной
Гелики, —

Всех их на ста кораблях предводил властелин
Агамемнон.

Рать многочисленной всех, превосходнее всех
ратоборцы

С ним принеслися; он сам облакался сияющей медью,

Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
580 Саном верховным своим и числом предводимых
народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор
Лакедемон,

Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;

В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде

приморском;

585 Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих;

Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,

Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой
ополчался;

Ратников сам предводил, на душевную доблесть
надежный,

Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахейян,

590 Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной
Елены.

В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой;

Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,

Град Кипариссию, град Амфигению вокруг
населявших,

Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,

595 Встретив Фамира Фракийского, песнями славного
мужа,

Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,

Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в
песнях,

Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.

Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий

600 К песням божественный дар и искусство бряцать на
кифаре.

Сих предводил повелитель их Нестор, конник
геренский:

С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою
высокой,

Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах;
605 В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами
богатом,

В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной Эниспе,
И Тегеи в стенах и в странах Мантинеи веселой;

В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы
пахавших, —

Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
600 Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом
из оных

Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.

Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон

Дал корабли доброснастные, плыть им по черному
понту

К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

615 Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,

Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин
приграничный,

И утес Оленийский, и холм Алезийский вмещают:

Их предводили четыре вождя, и десять за каждым

Быстрых неслоь кораблей, с многочисленной ратью
эпеян.

620 Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный
Фалпий:

Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;

Тех предводителем шествовал храбрый Диор
Амаринкид;

Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю
равный,

Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.

625 Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских
священных,

Тех, что за морем широким лежат против берега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который

Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.

630 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных
примчалось.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных
духом,

Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетолистном;

Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,

В власти имевших Закинф и кругом обитавших в
Самосе,

635 Живших в Эпире мужей, и на берегу
противолежащем, —

Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;

И двенадцать за ним принеслось кораблей
красноносых.

Рать из племен этолийских Фоас предводил
Андремонид,

Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,

640 И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде
приморской.

Не было больше на свете сынов браноносных Инея;

Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр
светлокудрый;

И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.

Сорок за ним, под дружиною, черных судов
принеслося.

645 Критян же Идомений предводил, знаменитый
копейщик;

В Кносе живущих мужей, в укрепленной стенами
Гортине,

Ликт населявших, Милет и град белокаменный
Ликаст,

Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные
грады,

И других, населяющих Крита стоградного земли,
650 Был воеводою Идомений, знаменитый копеещик,

И Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;

Осмыдесят черных судов принеслося под критской
дружиной.

Но Тлиподем Гераклид, как отец, и огромный и
мощный,

Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
655 Кой в родосской земле, разделенные на три колена,

Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли:

Сих предводил Тлиподем, копьеборец, гибельный в
битвах,

Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,

Взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он

660 Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.

Сей Тлиподем, лишь возрос в благосозданном доме
Геракла,

Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,

Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.

Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
665 Скрылся, бежа по морям, устрасался мести
грозивших

Всех остальных, – и сынов, и потомков Геракловой
силы.

Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды
претерпевший;

Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
670 Он им богатства несметные свыше пролил,
Олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из
Сима,

Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа
Пелида;

675 Но не мужествен был он и малую вывел дружину.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос и
Крапаф,

Град Эврипилов Коос и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный
Антиф,

Оба Фессалом рожденные, царственным сыном
Геракла.

680 Тридцать за ними судов принесли, красивые
строем.

Ныне исчислю мужей, в пеласгическом Аргосе
живших,

Алос кругом населявших, и Алоп удел, и Трахину,
Холмную Фтию, Элладу, славную жен красотою,
Всех – мирмидонов, ахеян и эллинов имя носящих;
685 Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес
знаменитый.

Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.

В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес
быстроногий,

Гневный за дочь Брисееву, пышноволостую деву,
690 Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг и Минеса.

Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет,
могучий.

695 В Филаке живших мужей, населявших Пираз
цветущий,

Область Деметры любимую, мать овец Итонею,
Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый
морем, —

Сих ополчения Протесилай предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.
700 В Филаке он и супругу, с душою растерзанной,
бросил,

Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный
дарданцем,

Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на
берег.

Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;

Их же к сражениям строил Подаркес, Ареева отрасль,

705 Сын Филакида Ификла, владетеля стад
среброрунных,

Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,

Но летами юнейший; и старше его и сильнее

Протесилай воинственный был; потерявши героя,

Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о
храбром;

710 Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалось
черных.

В Ферах живущих и вокруг при Бебеидском озере
светлом,

Беб населявших, Глафиры и град Ияолк
пышнозданный,

Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же
Эвмел их,

Сын Адмета любимый, который рожден им с
Алкестой,

715 Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелеевых
дщерей.

Живших в Мефоне, и окрест Фавмакии нивы
пахавших,

Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых, —

Сих племена Филоктет предводитель, стрелец
превосходный,

Вел на семи кораблях; пятьдесят восседло на каждом

720 Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко
сражаться.

Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахейн,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.

Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
725 Скоро при черных судах о царе Филоктете
воспомянут.

Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.
Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
Коего с Реной младою родил Оилей градоборец.

Триккой владевший народ, и Ифомой високоутесной,
730 И обитавший в Эхалии, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.

Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.
Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
735 В власти имевших Астерий и белые главы Титана, —

Сих предводил Эврипил, блистательный сын
Эвемонов;

Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных
примчалось.

В Аргиссе живших мужей и кругом населявших
Гиртону,

Орфу, широкий Элон, белокаменный град
Олооссон, —

740 Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший
в битвах,

Ветвь Пирифоя, исшедшего в мир от бессмертного
Зевса,

Сын, Пирифою рожденный женой Ипподамией

славной,

В самый тот день, как герой покарал чудовищ
косматых:

Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.

745 Он предводил не один, но при нем Леонтей
бранодушный,

Отрасль Ареева, чадо Кеней, Коронова сына.

Сорок за ними судов, под дружиной, примчалось
черных.

Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями

Плыл, предводя эниан и воинственных, сильных
перребов,

750 Племя мужей, водворившихся окрест Додоны
холодной,

Земли пахавших, по коим шумит Титаресий веселый,

Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиеся
воды,

Коих нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,

Но всплывает наверх и подобно елею струится:

755 Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью
магнетов.

Окрест Пеней и вокруг Пелиона шумного лесом

Жили они; предводил их в сражение Профоой
быстрый:

Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных
примчалось.

760 Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.

Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,

Доблестью или конями, из всех за Атридом
притекших?

Коней извел превосходнейших славный Эвмел
Феретиад;

Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые,
быстрых,

765 Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под
меру.

Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.

Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,

770 Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.

Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,
В сердце питая; дружины его на берегу моря

Дисков и сулиц и стрел забавлялися праздным
метаньем.

775 Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.

Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали

В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,

Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

780 Двинулась рать, и как будто огнем вся земля
запылала;

Дол застонал, как под яростью бога, Метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
Так застонала глубоко земля под стопами народов,

785 Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и молодые и старцы.

790 Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.

795 В виде его провещала посланница Зевса Ирида:
«Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,

Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!
Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
Но вовек таковых и толиких я ратей не видел!

800 Как листья на древах, как пески при морях, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.

Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
Много народов союзных в Приамовом граде великом,
Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.

805 Каждым из оных да властвует муж, повелитель
народа;

Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет».

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:

Сонм распустил, и к оружию бросились граждане
Трои.

Все растворились ворота; из оных зареяли рати,

810 Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и
высокий,

В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.

Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеей,

Но бессмертные боги – могилою быстрой Мирины.

815 Там и троян и союзников их разделилися рати.

Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор
великий

Всех предводил; превосходные множеством,
мужеством духа,

С ним ополчились мужи, копейщики, бурные в битве.

Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый
Анхизов,

820 Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,

В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с
смертным.

Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелох:

Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.

В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,

825 Граждан богатых, пьющих Эзеповы черные воды,

Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,

Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

Но Адрастеи мужей, Питиеи и веси Апеза,

И народ, заселявший Терею, высокую гору,

830 Сих предводили Адраст и Амфий, в броне
полотняной,

Оба сыны перкозийца Метропа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволения

К брани убийственной в Трою идти; не послушали
дети

Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.

835 В Перкоте живших мужей и кругом населявших
Практион,

Грады Сестос, Абидос и граждан священной Арисбы
Рати устраивал Азий, мужей повелитель, Гиртакид,
Азий Гиртакид, который на пламенных конях великих
В Трою принеся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

840 Гиппофоой предводил племена копьеборных
пеласгов,

Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям
обитали;

Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

Но фракиян предводил Акамас и воинственный
Пирос.

845 Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный
объемлет.

Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных
киконов,

Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.

Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов,
далёко

Живших в странах Амидона, где катится Аксий
широкий,

850 Аксий, водою чистейшей священную землю поящий.

Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе
сердце,

Выведший их из Генет, где стадаются дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
855 Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.
Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.
Мизам предшествовал Хромий и Энномос,
птицегадатель,

Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
860 Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он,
могучий.

Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригийян, и оба, бесстрашные, боем пылали.
Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
865 Оба сына Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высоком
рожденных.

Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Фтиров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые;
870 Сих предводили на бой Амфимах и воинственный
Настес,

Настес и тот Амфимах, Номиинова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, наряжаясь златом, как дева.
Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели
грозной:

Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
875 В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.

Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк
предводили,

Живших далёко в Ликии, при Ксанфе
глубокопучинном.

Песнь третья

Клятвы. Смотри со стены.

Единоборство Александра и Менелая

Так лишь на битву построились оба народа с вождами,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как
птицы:

Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
5 С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым,
пигмеям,

С яростью страшной на коих с воздушных высот
нападают.

Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая – стоять одному за другого.

10 Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший
ночи:

Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный
камень, —

Так из-под стоп их прах подымался мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

15 И когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю
равный,

С кожей парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
20 Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью
гордой, —

Радостью вспыхнул, как лев, на добычу неожиданно
набредший,

Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
25 Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю
мысля,

Быстро Атрид с колесницы с оружием прынул на
землю.

30 Но лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий
смерти.

Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
35 Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты, —
Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых

Образом красный Парис, устроясь Атреева сына.
Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец,
прельститель!

40 Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношением служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев,
считавших

Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
45 Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности
в сердце!

Бывши таков ты, однако, дерзнул в кораблях
мореходных

Бурное море исплавать, с толпою клеветов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,

50 В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношение!
Что же с оружием не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.

Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
55 Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом
смесился.

Слишком робок троянский народ, иль давно б уже
был ты

Каменной ризой одет, злополучий только виновник!»
Гектору быстро в ответ возразил Александр
боговидный:

«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.

60 Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.

65 Нет, ни один не порочен из светлых даров нам
бессмертных;

Их они сами дают; произвольно никто не получит.
Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;

70 Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,

75 Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».
Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью;
И, на средину ишед, и копьё ухватив посредине,
Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.
Но на Гектора луки ахейян сыны натянули.

80 Многие метили копьями, многие бросили камни.

К ним громогласно воззвал повелитель мужей
Агамемнон:

«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские
мужи!

Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор

великий».

Рек, – и ахейне прервали бой и немедленно стали
85 Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди
воинств:

«Сонмы троян и ахейн красивопоножных! внимайте,
Что предлагает Парис, от которого брань вспылала.
Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;

90 Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;

Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы
положим».

95 Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:
«Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
100 Ради вражды между мной и Парисом, виновником
оной.

Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.

Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу

Солнцу принести и земле; а Кронида пожрем мы
другого.

105 Пусть призовут и Приама владыку, да клятву
положит

Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):

Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:

Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;

Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо

110 Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу».

Так говорил; и наполнились радостью оба народа,

Чая почить наконец от трудов изнурительной брани:

Коней становятся в ряды, с колесниц своих прядают сами;

Быстро снимают доспехи, на землю слагают их близко

115 Друг против друга: меж воинств осталось узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнцев поспешно принести и вызвать владыку Приама.

Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию

К сеньям ахейским идти и принести на закляние агнца;

120 Он поспешил, повинувшись державному сыну Атрея.

С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной.

Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,

С коей в супружестве был Антенорид царь Геликаон,

Образ молодой Лаодики, прекраснейшей дочери
Приама,

125 В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,

Светлый, двускладный покров, образуя на оном
сраженья,

Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,

В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.

К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:

130 «Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть

Конников храбрых троян и медянодошпешных данаев.

Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.

Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань;
ратоборцы

135 Все на щиты приклонились, копья их воткнуты в
землю.

Но герой Александр и Атрид Менелай браноносный
Выйти желают одни за тебя на копьях сразиться.

И супругой любезной тебя наречет победитель».

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,

140 Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.

Встала она и, сребристыми тканями вокруг осеняся,

Быстро из дому идет со струящеюся нежной слезою.

Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,

Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным
взором.

145 Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся
Скейским.

Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет
благородный,

Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева
отрасль,

Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,

Старцы народа сидели на Скейской возвышенной
башне,

150 Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,

Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,

Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:

Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.

Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
155 Тихие между собой говорили крылатые речи:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:

Истинно, вечным богиням она красотой подобна!

Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
160 Пусть удалится от нас и от чад нам любезных
погибель!»

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:

«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.

Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.

Ты предо мною невинна; единые боги виновны:

165 Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!

Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:

Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и
мощный?

Выше его головой меж ахеями есть и другие,

Но толико прекрасного очи мои не видали,

170 Ни толико почтенного: мужу царю он подобен!»

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:

«Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и
страшен!

Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я
решилась

Следовать с сыном твоим, как покинула брачный
чертог мой,

175 Братьев, и милую дочь, и веселых подруг, мне

бесценных!

Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..

Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:

Муж сей есть пространнодержавный Атрид
Агамемнон,

Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный
воин.

180 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он
был им!»

Так говорила, – и старец, дивяся Атриду, воскликнул:

«О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный
блаженный!

Сколько под властью твоею ахейских сынов
браноносных!

Некогда, быв во фригийской земле, виноградом
обильной,

185 Зрел я великую рать фригиян, колесничников
быстрых;

Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:

Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;

Там находился и я, и союзником оных считался,

В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:

190 Но не столько их было, как здесь быстрооких
данаев».

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:

«Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?

Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон,

Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.

195 Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;

Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит.

Он мне подобным овну представляется, пышному волной,

В стаде ходящему между овец среброрунных».

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:

200 «Муж сей, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,

Взросший в народе Итаки, питомец земли каменистой,

Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов».

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:

«Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:

205 Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,

Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.

Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;

Свойство узнал обоих и советов их разум изведаль.

Если они на собранья троянские вместе являлись, —

210 Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;

Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.

Если они пред собранием думы и речи сплетали, —

Царь Менелай всегда говорил, изъясняясь бегло,

Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,

215 Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.

Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,

Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;

Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,

Но незыбно держал, человеку простому подобный.

220 Счел бы его ты разгневанным мужем или скудоумным.

Но когда издавал он голос могучий из персей,

Речи, как снежная выюга, из уст у него устремлялись!

Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стяжаться словами;

Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду».

225 Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:

«Кто еще оный ахецянин, столько могучий, огромный?

Он и главой, и плечами широкими всех перевысил».

Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:

«Муж сей – Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.

230 Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,

Идомей, и при нем предводители критян толпятся.

Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно

В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.

Вижу и многих других быстрооких данайских героев;

235 Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.

Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств:
незримы

Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом
Полидевком,

Братья, которых со мною родила единая мать.

Или они не оставили град Лакедемон веселый?

240 Или, быть может, и здесь, принесли в кораблях мореходных,

Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!»

Так говорила; но их уже мать-земля сокрывала
Там, в Лакедемоне, в недрах любезной земли их родимой.

245 Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,

Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки златые;

Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида,
веща:

250 «Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают
вельможи

Трои сынов конеборных и меднодоспешных данаев
Выйти на ратное поле, да клятвы святые положат.

Ныне герой Александр и с ним Менелай браноносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.

255 Кто победит – и жены и сокровищ властителем будет;
Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные,
будем

Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотой».

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям
повелел он

260 Коней запрячь в колесницу; они покорились охотно;

Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,

265 Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную
землю,

Между троян и ахеян серединою шествуют старцы.

В встречу им быстро восстал повелитель мужей
Агамемнон,

Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
Жертвы для клятвы священной представили; в чаше
единой

270 Вина смесили и на руки воду царям возлияли.

Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши

Острый, висящий всегда при влагалище мечном
великом,

Волну отрезал на агнчих главах, и глашатаи оба,

Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.

275 Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей
моляся:

«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный,
великий!

Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!

Реки, земля и вы, что в подземной обители души

Оных караете смертных, которые ложно клянутся!

280 Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святыя:

Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,

Он и Елену в дому, и сокровища все да удержит;

Мы ж от троянской земли отплывем на судах

мореходных.

Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
285 Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;

Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;

Память об ней да прейдет и до поздних племен
человеков.

Если же мне и Приам, и Приама сыны отрекутся

Должную дань заплатить по паденье уже и Париса,

290 Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;

Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству».

Рек и гортани овнов пересек он суровою медью

И обоих на земле положил их, в трепете смертном

Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.

295 После, вино из чаши блистательной черпая кубком,

Все возливали и громко молились богам вечносущим;

Так не один возглашал меж рядами троян и ахейн:

«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные
боги!

Первых, которые смеют священную клятву нарушить,

300 Мозг, как из чаши вино, да по черной земле
разольется,

Их вероломных и чад, – и пришельцы их жен да
обымут!»

Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.

Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:

«Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:

305 Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.

Мне неостанет сил, чтобы видеть своими очами

Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.

Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,

В битве кому из подвижников смертный конец
предназначен».

310 Рек, – и онов в колесницу влагает божественный
старец;

Всходит и сам и бразды к управлению коней напрягает;

Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.

Старцы, назад обратясь, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный

315 Прежде измерили место сражения; после, повергнув

Жребии в медный шолом, сотрясали, да ими решится,

Кто в сопротивника первый копье медяное пустит.

Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;

Так не один восклицал меж рядами троян и ахейн:

320 «Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный,
великий!

Кто между ими погибельных дел сих и распрей
виновник,

Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,

Нам же опять утвердить и священные клятвы и
дружбу!»

Так возглашают; а Гектор великий два жребия в
шлеме,

325 Взор отвортив, сотрясает, и выпрянул жребий
Париса.

Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил

Коней своих звуконогих и пестрые ратные сборки.

Тою порой вокруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.

330 И сперва наложил он на белые ноги поножи

Пышные, кои серебряной плотно смыкались
наглазной;

Перси кругом защищая, надел медяные латы,

Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;

Сверху на рамо набросил ремень и меч
среброгвоздный

335 С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и
крепкий;

Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул

С гривую конскою; гребень ужасный над ним
волновался;

Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.

Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

340 И едва лишь каждый в дружине своей вооружился,

Оба они аргивян и троян на средину выходят

С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих
объемлет

Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.

Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,

345 Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против
друга.

Первый герой Александр послал длиннотенную пику

И ударил жестоко противника в щит круговидный;

Но – не проникнуло меди, согнулось копейное жало

В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною
пикой

350 Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
«Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!

В прах моею рукой низложи Приаида Париса;

Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных
потомках

Злом воздавать за приязнь добродушному
гостеприимцу».

355 Рек он – и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную
пику,

И ударил жестоко противника в щит круговидный:

Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,

Броню насквозь, украшением пышную, быстро
пронзила

И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,

360 Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной
избегнул.

Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч
среброгвоздный,

Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над
шеломом

В три и четыре куска раздробившись, пал из десницы.

Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:

365 «Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не
злотворен!

Я наконец уповал покарать Александра злодея;

И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно

Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!»

Рек – и напал на него, и, за шлем ухватив коневласый,

370 Быстро повлек, обратившись к пышнопоножным ахейцам.

Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —

Вплоть у него под бородой проходившая подвязь шелома.

Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;

375 Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:

Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.

Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.

Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая

380 Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,

Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца

В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;

Быстро уходит Елену призвать и на башне высокой

Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,

385 Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу

И говорит, уподобясь старице, древле рожденной,

Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемонe граде

Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила;

Ей уподобясь, так говорит Афродита богиня:

390 «В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.

Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,

Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный
супруг твой

С мужем сражался и с боя пришел, но что он к
хороводу

Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь
оставив».

395 Так говорила – и душу Елены в груди взволновала;
Но лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?

400 Или меня еще дальше, в какой-либо град
многолюдный,

Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?

Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,

Снова в семейство меня возвратить, ненавистную,
хочет,

405 Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце
коварством?

Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися
бессмертных

И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,

Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе

Будешь им названа или супругою, или рабою!

410 Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены

Все посмеются; довольно и так мне для сердца
страданий!»

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:

«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,

415 Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.

Вместе обоих народов, троян и ахейн, свирепство

Я на тебя обращаю, и погибнешь ты бедственной смертью!»

Так изрекла, – и трепещет Елена, рожденная Зевсом,

И, закрывшись покровом серебристоблестящим, безмолвно,

420 Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.

Скоро достигли они Александрова пышного дома;

Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.

Тихо на терем высокий жена благородная всходит.

Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,

425 Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.

Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,

Очи назад отвратила и так упрекала супруга:

«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,

Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!

430 Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя

Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!

Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;

Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым
сыном

435 Ратовать ратью, ни битвою биться не смей
безрассудно;

Или, страшись, да его копием укрошен ты не будешь!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:

«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими
сердце;

Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;

440 После и я побежду: покровители боги и с нами.

Ныне почию с тобой и взаимной любви насладимся.

Пламя такое в груди у меня никогда не горело;

Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты
веселой

Я с похищенной бежал на моих кораблях
быстролетных

445 И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.

Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».

Рек он – и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.

Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,

450 Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.

Но ни единый из храбрых троян и союзников славных

Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.

Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его
зревший:

Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

455 Громко тогда возгласил повелитель мужей

Агамемнон:

«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
460 Память об ней да прейдет и до поздних племен
человеков».

Так Агамемнон вещал, – и в хвалу восклицали ахейцы.

Песнь четвертая

Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном

Боги, у Зевса отца на помосте златом заседа,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.

5 Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
«Две здесь богини, помощницы в бранях царя
Менелая;

Гера Аргивская и Тритоения Алалкомена.
Обе, однако, далёко сидя и с Олимпа взирая,

10 Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?

15 Паки ли грозную брань и печальную распрю
воздвигнем,

Или возлюбленный мир меж двумя племенами
положим?

Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки,

И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».

20 Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.

Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к
Зевсу:

25 «Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол
произносишь?

Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным,
и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалась? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.

Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».

30 Ей негодующей сердцем отвечивал Зевс Тучеводец:
«Злобная: старец Приам и Приамовы чада какое

Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно
пылаешь

Град Илион истребить, благолепную смертных
обитель?

Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,

35 Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!

Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор
напоследок

Грозной вражды навсегда между мной и тобой не
положит.

Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:

40 Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю

Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе
человеков, —

Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!

Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой
несогласный.

Так, под сияющим солнцем и твердью небесною
звездной

45 Сколько ни зрится градов, населенных сынами
земными,

Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,

Трои владыка Приам и народ копыеносца Приама.

Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных
пиршеств,

Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».

50 Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:

«Три для меня наипаче любезны ахейские града:

Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный
Микены.

Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;

Я не вступаю за них и отнюдь на тебя не вражду.

55 Сколько бы в гневѣ моем ни противилась их
истреблѣнью,

Я не успѣла б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.

Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?

Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;

И, богиня старейшая, дочь хитроумного Крона,

60 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и

супругой

Ты нарицаешь, – ты, над бессмертными всеми царящий.

Но оставим вражду и, смирися друг перед другом,

Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие

Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине

65 Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;

Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев

Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Так говорила, – и внял ей отец и бессмертных и смертных;

Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:

70 «Быстро, Афина, лети к ополчению троян и данаев;

Там искушай и успеи, чтоб славою гордых данаев

Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Рек – и подвигнул давно пылавшую сердцем Афины:

Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросаюсь.

75 Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает

Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,

Яркую; вокруг из нее неисчетные сыплются искры, —

В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина

Пала в средину полков: изумление обняло зрящих

80 Конников храбрых троян и медянодошпешных данаев;

Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:

«Снова войне ненавистой, снова сече кровавой

Быть перед Троей; или полагает мир между нами

Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

85 Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,

90 Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын
Ликаона?

Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?

95 В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай
браноносный,

Свержен твоею стрелой, на костер подымается
грустный.

100 Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
Прежде ж обет сотвори Луконосцу Ликийскому, Фебу,
Агнецв ему первородных принесть знаменитую
жертву,

В отческий дом возвратяся, в священные Зелии
стены».

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.

105 Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей
серны,

Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть; ее, ожидавший в засаде,

В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.

Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
110 Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,

Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.

Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,

К долу склонив; и щитами его заградила дружина,

В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
115 Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.

Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,

Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.

Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,

И, обет сотворя Луконосу Ликийскому, Фебу,

120 Агнецв ему первородных принести знаменитую жертву,

В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,

Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;

Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;

И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,

125 Рог закрипел, тетива загудела, и прянула стрелка

Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,

Вечные боги, и первая дочь светлоокая Зевса:

Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной

130 К телу касаться; ее отражает, как нежная мать

Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.

Медь направляет богиня туда, где застёжки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
135 И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро
пробила,

Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушение,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
140 Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.
Так, как слоновая кость, обогренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников
коням,

В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждут обрести; но лежит драгоценная царская
утварь,

145 Должная быть и коню украшеньем, и коннику
славой, —

Так у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глзны.
В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюся током из язвы.
150 В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон

Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
155 «Милый мой брат! на погибель тебе договор
заключил я,

Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.

160 Если теперь совершить Олимпийский Зевес не
рассудит,

Поздно, но он совершит, – и трояне великою платой,
Женами их и детьми, и своими главами заплатят.

Твердо уверен я в том, убеждаясь духом и сердцем,

Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,

165 Древний погибнет Приам и народ копьеносца
Приама.

Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,

Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,

Сим вероломством прогневанный: то неминуемо
будет.

Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горечь,

170 Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь
окончишь.

Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий
Аргос!

Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.

В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим

Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,

175 Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному
делу.

Скажет тогда не один беспредельно надменный
троянец,

Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:

– Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!

Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
180 Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая героя. —

Скажет, – и тогда расступися, земля, подо мною!»
Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;

185 В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
Запон и навязь, которую медники-мужи ковали».
Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!

190 Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачевств, утоляющих черные боли».

Рек – и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:

«Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,

Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.

195 Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горечь!»

Рек – и глашатай немедленно слову царя повинулся:

Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску

данаев,

200 Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:

Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями,

Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:

«Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя

призывает;

205 Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,

Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,

Или троянский, на славу троянам, ахейцам на
горесть!»

Так говорил он – и душу Махаона в персях встревожил.

Быстро пошли сквозь толпы по великому войску
данаев,

210 И когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый

Был поражен, где, собравшись, ахейские все
властелины

Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,

Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;

Но, когда он повлек, закружились шипы у пернатой.

215 Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под
оным

Пояс и повязь, которую медники-мужи ковали,

Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;

Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,

Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

220 Тою порой, как данаи заботились вокруг Менелая,

Быстро троянцев ряды наступали на их щитоносцев;

Снова данаи оружием покрылись и вспыхнули боем.

Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,

Дремлющим, или трепещущим, или на брань
неохотным:

225 Пламенно к брани, мужей прославляющей, он
устремился.

Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;

Их браздодержец могучий держал недалеко,
храпящих,

Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев:

Близко держаться Атрид заповедал, на случай,
когда он

230 Члены трудом истомит, обходящий и строящий
многих.

Сам, устремившись пеш, проходил он ряды
ратоборцев.

Где поспешавших на бой находил аргивян
быстроконных,

Духа еще им, представ, придавал возбудительной
речью:

«Аргоса вой, восполните ныне кипящую доблесть!

235 Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет
помощник

Первых, которые, клятвы поправ, нанесли
оскорбленье, —

Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;

Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних

В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную
Трою».

240 Но, встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:
«Аргоса вой, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что, пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,

245 Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы, —
Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
Наших судов лепокормных, на берегу моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает
Кронион?»

250 Так он, начальствуя, вокруг обходил ратоборные
строи.

Скоро приблизился к критским, идя сквозь толпу
ратоборцев:

Критяне строились в бой вокруг отважного Идоменея;
Идоменей впереди их подобрался вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.

255 Их усмотревши, наполнился радостью царь
Агамемнон

И предводителя критян приветствовал ласковой
речью:

«Идоменей, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным
данаям

260 К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно

Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть
в ней гордился».

265 И Атриду ответствовал критских мужей воевода:
«Славный Атрид, неизменно твоим я остануся другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы
270 Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!»
Так он вещал, – и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяksam, идя сквозь толпу
ратоборных:

Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.

275 Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представлялася черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в
пещеру, —

280 Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в
битвах,

К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги
густые,

Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.

Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон

И, к вождям обратясь, крылатую речь устремляет:

285 «Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!
Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:

Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб Луконосец!

Если б у каждого в персях подобное мужество было,
290 Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный
Приама,

Наших героев руками плененный и в прах
обращенный!»

Так произнеся, оставил он их и к другим устремился.

Встретился Нестор ему, сладкогласный вития
пилосский:

Строил свои он дружины и дух распалял их на битву.
295 Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель
народов.

Конных мужей впереди с колесницами Нестор
построил;

Пеших бойцов позади их поставил, и многих и
храбрых,

Стену в сражениях бурных; но робких собрал в
середину,

300 С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде
сражался.

Конникам первым давал наставленья, приказывал
им он

Коней рядами держать и нестройной толпой не
толпиться.

«Нет, – чтоб никто, на искусство езды и на силу
надежный,

Прежде других не пылал впереди с сопостатами

биться,

305 Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.

Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.

Так поступая, и древние стены и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

310 Так им советовал старец, давно испытанный в
бранях.

Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою

И, обратясь к нему, устремляет крылатые речи:

«Если бы, старец, доньше еще, как душа твоя в персях,

Ноги служили тебе и остались в свежести силы?

315 Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы

Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!»

И Атриду отвечивал Нестор, конник геренский:

«Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я

Быть таковым, как я был, поразивший Эревфалиона.

320 Но совокупно всего не дают божества человекам:

Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.

Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их

Словом моим и советом: вот честь, остающаяся
старцам.

Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,

325 Родшись после меня и надежные больше на силу».

Так произнес, – и Атрид удаляется, радостный
сердцем;

Он Менесфея, отличного конника, близко находит

Праздно стоящим, и окрест – афинян, искусных в

сраженьях.

Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
330 Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,

Праздно стояли, еще не слышавшие бранной тревоги:
Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахейян, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
335 Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.

Так их нашед, возроптал повелитель мужей
Агамемнон

И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
«Сын скиптроносца Петей, питомца Крониона Зевса!

Также и ты, одаренный коварствами, хитростей
полный,

340 Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?

Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.

Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.

345 Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;

Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять
ахейских

Вас упредили фаланг и пред вами сражались медью».
Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:

350 «Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?

Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство

Арея,

Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,

Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних

355 Конников храбрых троян; а слова произнес ты
пустые!»

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,

И, к нему обращался, начал он новое слово:

«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей
многоумный!

Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.

360 Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно

Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.

Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,

После исправим; но пусть то бессмертные всё
уничтожат!»

Так произнеся, оставил вождей и к другим
устремился.

365 Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим

Подле коней и своей составной колесницы блестящей;

С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.

Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;

Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:

370 «Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,

Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?

Так трепетать не в обычае было Тидея героя;

Он впереди, пред дружиною, первый сражался с
врагами.

Так говорили – дела его зревшие; я с браноносцем

375 В подвигах не был, не видел; но всех, говорят,

превышал он.

Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены

Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.

Брань подымали они на священные фивские стены

И просили микенян дать им союзников славных.

380 Те соглашались дать и решились исполнить прошение;

Но Зевес отвратил их явлением знамений грозных.

Оба вождя отошли и путем обратным достигли

Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.

Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея

385 В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян

Многих, пирующих в царском доме Этеокловой силы.

Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,

В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян:

К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных

390 Всех победил: таково поборала Тидею Афина.

Злобой к нему вспыхнули кадмейцы, гонители коней,

И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев

Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:

Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,

395 И Автофонов сын, Ликофон, ненасытимый боем.

Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:

Всех поразил их и дал лишь единому в дом
возвратиться;

Меона он отпустил, покоряясь знаменьям бога.

Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
400 Доблестью бранною низшего, высшего только
витийством».

Рек он; ни слова царю Диомед не отвечивал
храбрый,

Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки;

Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:

«Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты
знаешь,

405 Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы
храбрее:

Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,

Мы и престольные Фивы разрушили, град
семивратный,

Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.

Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.

410 Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою
нашей!»

Грозно взглянув на него, возразил Диомед
благородный:

«Молча стой, Капанид, моему повинуюсь совету:

Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон

Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.

415 Слава ему, предводителю, если данайские мужи

Мощь одолеют троян и святой Илион завоюют;

Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.

Но устремимся и сами воспомним кипящую
храбрость!»

Рек – и с высот колесницы с оружием прынул на землю.
420 Страшно медь зазвучала вокруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.
Словно ко берегу гремучему быстрые волны морские
Идут, грядя за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после,
нахлынув,

425 С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену, —
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:

430 Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Стоя тьмочисленные и млеком наполняя дойницы,

435 Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев, —
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,

440 Ужас насильственный, Страх и насытая бешенством
Распря,

Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.

Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
445 Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть сосступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копыя и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.

450 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,

Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную
пропасть;

455 Шум их далёко пастырь с утеса нагорного слышит, —
Так от сразившихся воинств и гром разлился, и ужас.
Первый тогда Антилох поразил у троян браноносца
Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.
Быстро его поражает он в бляху косматого шлема

460 И пронзает чело: пробежало глубоко внутри кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упавшего за ноги царь захватил Элефенор,
Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных
абантов,

465 И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь – но недолго его продолжалась забота:
Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель
Агенор

В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
Сулицей медной пронзил и могучего крепость

разрушил.

470 Там он дух испустил, и при нем загорелось дело, —
Яростный бой меж троян и ахейн: как волки, бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.
Тут поражен Теламонидом сын Анфемиона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого мать,

475 Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых берегах Симоиса;
Родшийся там, наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.

480 Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через
рамо

Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом
возросший,

Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
485 Тополь, который избрав, колесничник железом
блестящим

Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть
колесницы;

В прахе лежит он и сохнет на берегу потока родного, —
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов
Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид
пестролатный

490 Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;

Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.

Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
495 Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;

К телу приближаясь, стал и, кругом оглянувшись, мощно

Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копье не напрасное ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,

500 В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.

Пикой его Лаэртид, раздраженный за друга, уметил

Прямо в висок: на другую страну сквозь висок
просверкнула

Острая пика, – и тьма Приамидовы очи покрыла:

С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.

505 Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;

Громко вскричали ахейн сыны и, похитивши трупы,

Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон
раздражился,

Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян
возбуждая:

«Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
510 Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,

Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.

Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:

Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу,
питает».

Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
515 Зевсова славная дочь, Тритогеня, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела
воев.

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:

Камнем он был поражен рукометным, жестоко
зубристым

В правую голень: его поразил предводитель фракийян,
520 Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны
притекший.

Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно

Камень бесстыдный, и навзничь, шатаясь, в прах
Амаринкид

Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям
простирая,

Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
525 Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на
землю

Вылилась внутренность вся, – и мрак осенил ему очи.

Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец

В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.

Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику

530 Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив
изошренный,

В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;

Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,

Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.

Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством
славен,

535 Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный
силой.

Так по кровавому праху один близ другого
простерлись

Копьями грозных фракиян и меднооружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
540 Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян, и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлися друг подле
друга.

Песнь пятая

Подвиги Диомеда

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между
всеми

Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.

5 Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах
Океана, —

Пламень подобный зажгла вокруг главы и рамен
Диомеда

И устремила в средину, в ужасное брани волнение.

10 Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идеи, в разнородных искусные
битвах.

Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях, — Диомед устремляется пеший.

Только лишь стали сближаться, идущие друг против
друга,

15 Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копьё из руки полетело:

В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.

20 Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;

В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.

25 Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным.
Трояне,

Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот уstraшенный бежит, а другой с колесницы
низвержен,

Духом смутились все: и тогда Паллада Афина,
30 За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, стен
сокрушитель,

Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид Промыслитель им славу
присудит?

Сами ж с полей не сойдем ли да Зевсова гнева
избежнем?»

35 Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей
Агамемнон

Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:

40 Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон

В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие
выгнал;

С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем
доспехи.

Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором

Феста, притекшего к брани из Тарны, страны
плодоносной.

45 Мужа сего Девкалид копьеносец копьем
длиннотенным

Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо
ударил:

В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой
окружился;

Быстро его обнажили царя Девкалида клеветры.

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец
искусный,

50 Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,

Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,

Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;

Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,

Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий,
гордился:

55 Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый
копейщик,

Близко его убежавшего, ясенной пикою острой

В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую
выгнал:

Грнулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
60 Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем
илионцам,

Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
65 Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием, – и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковую костью, проникнуло
жало:

С воплем он пал на колена, и падшего Смерть осенила.
Мегес Педая сразил, Антенорова храброго сына.
70 Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая
супругу.

Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педая:
75 Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.
Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный
духом,

Был у Скамандра священник и чтился как бог от
народа.

Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
80 В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жироватую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу

Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.

85 Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,

С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль
ахеян?

Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,

Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;

Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,

90 Ни зеленых полей удержать плотины не могут,

Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;

Вкруг от него рассыпаются юношей красных
работы, —

Так от Тидида кругом волновались густые фаланги

Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

95 Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,

Как он, крутясь по полям, волновал пред собою
фаланги;

Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелю

И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму

В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,

100 Прямо вонзилась в плечо: оросилась кровию брони.

Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын
Ликаонов:

«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!

Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может

Долго бороться с стрелюю могучею, ежели точно

105 Феб сребролукий меня устремил из пределов
ликийских!»

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:

Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:

«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с
колесницы,

110 Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».

Так он сказал, – и Сфенел с колесницы спрыгнул на
землю;

Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюсь
стрелу;

Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую
броню;

И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:

115 «Слух преклони, необорная дочь громоносного
Зевса!

Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила

В брани пылающей, будь мне еще благосклонной,
Афина!

Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,

Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает, —

120 В жизни недолго мне видеть свет лучезарного
солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь
Громовержца;

Члены героя соделала легкими, ноги и руки,

И, приближась к нему, провещала крылатые речи:

«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!

125 В перси тебе я послала отеческий дух сей
бесстрашный,

Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;

Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.

Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая,
предстанет,

130 Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай
ополчаться,

Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

Так говоря, отошла светлоокая дочь Громовержца.

135 Сын же Тидеев, назад обратившись, стал меж
передних,

И как ни пламенно прежде горел он с врагами
сражаться,

Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он
жаром,

Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,

Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,

140 Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не
надеясь,

Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;

Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;

Лев распаленный назад, чрез высокую скачет
ограду, —

Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;

145 Первого в грудь у сосца поразил медножальной
пикой,

А другого мечом, по плечу возле выи, огромным

Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.

Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
150 Им, отходящим, родитель не мог разгадать
сновидений;

С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал
корысти.

После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью
скорбной,

Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
155 Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани
кровавой,

Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
160 Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним
Эхемона;

И как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой, —
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не желающих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных
доспехи,

165 Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам
корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев
тройанских;

Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь
жужжащие копья,

Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
170 Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
«Пандар! где у тебя и лук, и крылатые стрелы?
Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
175 Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
Ратям троянским; и многим и сильным сломил он
колена?

Разве не есть ли он бог, на троянский народ
раздраженный?

Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен
бога!»

Быстро Энею отвечивал славный сын Ликаонов:
180 «Храбрый Эней, благородный советник троян
меднолатных!

Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.

Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный
Тидеев,

185 Он не без бога свирепствует; верно, при нем
покровитель

Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетающую быстро оттринул.
Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына

В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
190 И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;

Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог
прогневленный!

Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
195 Окрест висят, и для каждой из них двуремные кони
Подле стоят, утучняясь полбой и белым ячменем.

Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
200 Трои сынов предводить на побоищах бурных
сражений.

Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.

Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах
заключенных,

В корме они не нуждались, привыкнув питаться
роскошно.

Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
205 Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не
помощник!

В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:

В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.

В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
210 Снял со столба я в тот день, как решился в веселую
Трою

Рати троянские вестъ, угождая Приамову сыну.

Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий, —

Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову
срубит,

215 Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не
брошу,

В щепы его изломав: бесполезный он был мне
сопутник!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:

«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе

Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице

220 Противостав, не изведем оба оружием нашим.

Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,

Троса кони каковы, несказанно искусные полем

Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.

К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова

225 Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.

Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские
вожжи

В руки прими ты, а я с колесницы сойду, чтоб
сразиться.

Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:

230 «Сам удержи ты бразды и правь своими конями:

Прытче они под возницей привычным помчат
колесницу,

Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.

Или они, оробевши, замнутся и с бранного поля

Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.

235 Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,

Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.

Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
240 Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.